

Александр
БЛОК

Сочинения

Александр Александрович Блок

Памяти Августа Стриндберга

«Товарищ мой, вернувшийся из Стокгольма за день до кончины Стриндберга, привез мне его большой портрет.

Я смотрю на эти рабочие плечи, на непокорную голову и страдальческое лицо, и мне хочется назвать великого шведа просто: «старый Август». Этот большой упрямый лоб, эти сердитые брови, этот нос «простого» человека, рабочего, этот упорный взгляд строгих глаз, перед которым, кажется, должно притихнуть все мелкое, все нечестное, не умеющее сказать ни на что определенного «да» или «нет»... Ведь все это так дорого и так бесконечно близко нам; может быть, никому так не дорого и не нужно, как русским, а русским писателям – в особенности...»

**Александр Александрович
Блок
Памяти Августа Стриндберга**

Товарищ мой, вернувшийся из Стокгольма за день до кончины Стриндберга, привез мне его большой портрет.

Я смотрю на эти рабочие плечи, на непокорную голову и страдальческое лицо, и мне хочется назвать великого шведа просто: «старый Август». Этот большой упрямый лоб, эти сердитые брови, этот нос «простого» человека, рабочего, этот упорный взгляд строгих глаз, перед которым, кажется, должно притихнуть все мелкое, все нечестное, не умеющее сказать ни на что определенного «да» или «нет»... Ведь все это так дорого и так бесконечно близко нам; может быть, никому так не дорого и не нужно, как русским, а русским писателям – в особенности.

Эти линии и морщины так определены и значительны! Разве много на свете лиц, достойных того, чтобы над ними столько трудился жестокий художник – Время? Вот на какой работе показало оно себя художником истинно великим! От простейшего к сложнейшему; из грубого материала – нежнейшая духовность; нужна была твердая рука и уверенный резец, чтобы *так* положить эти темные

тени на щеках и эти жесткие складки около рта!

Поистине необходим нам такой человек, который соединяет в себе и художника и человека; такой, у которого, кроме великого и гремящего на весь мир имени, есть еще малое, интимное имя; в Августе Стриндберге соединялись в высшей степени эти двое: великий и простой, художник и человек, творец и ремесленник; Стриндберг принадлежал к тем образцам человечества, к типу которых рано или поздно начинают стремиться многие люди; нет сомнения, что в современном общенемецком типе, например, заложены гетевские и шиллеровские черты, хотя бы и сильно разбавленные и видоизмененные бисмарковскими и вильгельмовскими; «стриндбергианская порода», надо полагать, создаст со временем тип не только общешведский; кое-что от Гете, например, есть и в России, не в одной Германии; можно думать и радостно верить, что та же Россия, на которую глядят с Запада хоть и с презрением, да с опаской, а кой-кто и с надеждой, – примет в свою душу нечто от непреклонной, суровой и праздничной стриндбер-

говской души.

Явно обновляются пути человечества; новый век, он действительно – новый век; человеческая душа, русская душа ломается; много старого хламу навалено, многие молодые ростки придавлены; культура выпустила в эти «переходные» годы из своей лаборатории какой-то временный, так сказать, «пробный» тип человека, в котором в различных пропорциях смешано мужское и женское начало. Мы видим этот тип во всех областях нашей деятельности, может быть чаще всего – в литературе; приходится сказать, что все литературное развитие XX века началось «при ближайшем участии» именно этого типа. От более или менее удачного воплощения его зависит наше колебание между величием и упадком. Культура как бы изготовила много «проб», сотни образцов – и ждет результата, когда можно будет сделать средний вывод, то есть создать нового человека, приспособленного для новой, изменившейся жизни.

При таких условиях понятными становятся все уродства, которые положили печать патологии, недосказанности, странности на всю

литературу нашего молодого века; быть может, не одна «порнография», но и все колебания, порождающие вялую тоску вместо гнева и тайное ренегатство вместо борьбы, – быть может, все это происходит оттого, что не установился новый тип и не создан новый «средний» человек; слишком часто еще наша мужественная воля, воспитанная на старом и отгоревшем, теряет силу сопротивления и парализуется бабьей вялостью; слишком часто происходит и обратное: женственные, в лучшем смысле слова, начала гибкости и обаяния – столь же незаменимые проводники культуры – огрубляются неглубоким и бесцельным рационализмом, началом не мужественным, а всего только – «мужским».

Август Стриндберг, разумеется, один из первых попал в то культурное горнило, в котором вырабатывается «новый человек». С поразительной неотступностью следила за ним судьба, она подвергла его испытаниям, недоступным и невыносимым для человека средних сил; когда думаешь о жизни Стриндберга, приходит в голову, что судьба особенно возлюбила эту породу, избрала именно ее, пото-

му что слишком хотела отшлифовать ее, из нее именно создать лучшую, близящуюся к идеалу «пробу».

Когда вспоминаешь, из каких испытаний вышел духовно мощным и только физически сломленным Стриндберг, невольно представляется аналогия в воспитании атлета, все тело которого приучается к каким угодно ударам; да, прекрасным надо признать этот материал – дух Стриндберга; но каким же совершенным должен быть материал, предназначенный для создания нового человека! Ведь дело идет о новом «половом подборе», о гармоническом распределении мужественных и женственных начал, тех начал, которые до сих пор находятся в дисгармонии и кладут препятствия освобождению человека!

Когда мужественное превращается в мужское, то гнев вырождается в злобу; когда женственное превращается в женское, то доброе превращается в чувствительное; мы видим это на каждом шагу в современном обществе, разумеется, среди «командующих классов».

Мы видим, сверх того, работу природы и культуры, которые стремятся к обновлению

обоих вырожденных типов, пытаюсь облагородить мужское – женственным и женское – мужественным; большинство сочетаний дает, разумеется, средний, ничего не обещающий тип, тип людей «невоплощенных», неврастеников, с сильной патологической окраской; меньшинство сочетаний дает, напротив, обещания «нового человека». Среди этих единиц и, может быть, впереди их всех, стоит Стриндберг как тип мужчины, «мужа», приспособленного для предстоящей жизни, которая рисуется (уже, кажется, всем теперь) исполненной все более интенсивной борьбы не только государств друг с другом, но особенно общества и личности с государством.

Стриндберг, рожденный истинным демократом, но по силам и целям своим принужденный вращаться среди «плутократов», «аристократов» и т. д., естественно представлялся всем окружающим его до самых последних лет грубым, рабочим человеком, неуживчивым, жестким, наконец – женоненавистником. Под этой личиной он даже любил являться; таким он может представиться иногда и нал, но так ли это на самом деле? Во-

первых, все те среди нас, кто хочет действовать, влиять и изменять жизнь, найдут в себе, хотя бы в зачатках, все указанные черты. Во-вторых, чертами этими не исчерпывается психология Стриндберга; все они присутствуют в нем, но все они окрашены какой-то другой краской, чем те же черты у множества средних деспотических и в деспотизме своем «эгоистических» мужчин.

В самом деле: заурядный «деятель» (скажем, современный государственный человек) часто отличается теми же чертами; но грубость и жестокость ничем не могут смениться в нем, кроме вялой сентиментальности, которую часто приходится нам видеть в жизни и читать в книгах; однако ни тени сентиментальности не было в Стриндберге, который был жесток все-таки более всего к самому себе. Заурядная неуживчивость – мы слишком хорошо знаем цену бюрократической неуживчивости, например; в основе неуживчивости Стриндберга всегда лежало идейное или мистическое разногласие. – Женоненавистничество, наконец, черта, столь свойственная среднему мужчине, есть почти все-

гда пошлость; для Стриндберга же, который им прославился, оно было Голгофой. В жизни Стриндберга было время, когда все женское вокруг него оказалось «бабьим»; тогда во имя ненависти к бабьему он проклял и женское, но он никогда не произнес кощунственного слова и не посягнул на женственное; он отвернулся от женского только, показав тем самым, что он не заурядный мужчина, так же легко «ненавидящий женщин», как подпадающий расслабляющему бабьему влиянию, – а мужественный человек, предпочитающий остаться наедине со своей жестокой судьбой, когда в мире не встречается настоящей женщины, которую только и способна принять честная и строгая душа.

Со всеми своими мужественными и неприятными для некоторых культурных слоев чертами Стриндберг является как бы маяком, указывающим, по какому пути пойдет культура при создании нового типа человека. Для нашего времени – он был «великий мужчина»; в будущем жизнь, может быть, сотрет некоторые угловатости этого лучшего пока типа мужественности, те черты, которые те-

перь для нас особенно обаятельны, потому что они рисуют Стриндберга еще и как художника.

Хочется сказать так: в этой своей, теперь кончившейся, жизни Стриндберг был и большим художником. В следующей своей жизни он уже будет только человеком, и это будет еще прекраснее. Как бы предчувствуя того не существующего еще в мире настоящего «нового человека», хочется иногда назвать «Великого Стриндберга» просто – Августом. Как еще назовем мы тогда этого Августа, широкоплечего и честного человека?

Есть вечные имена, принадлежащие всем векам: имена брата, учителя; Стриндберг был для нас и тем и другим: братом – всем мятежным; он, как брат, будил нас; он, который не успокаивался никогда; может быть, и теперь кого-нибудь, кто засыпает от усталости в наши убийственные дни, пронизает вдруг молниеносная мысль: «Я больше не брат Стриндбергу!» И с этой мыслью он опять проснется и вспомнит, что слишком много энергии требует мир для того, чтобы мог безнаказанно заснуть тот, кто призван к творче-

ству.

И учителем был и будет Стриндберг для многих на многие годы. Человек, носивший в себе столько мировоззрений, человек, питавший высокую любовь к самой бескорыстной и чистой из наук, к науке о природе, человек, сам сделавший открытия в этой науке, – разве может он не быть нашим учителем?

Есть, однако, еще одно имя. Может быть, оно не вечно, потому, что мы не помним его на заре нашей истории, и потому, что мы можем мысленно представить себе то время, когда мир больше не будет нуждаться в этом имени.

Зато теперь оно особенно близко и нужно нам; с ним связаны заветные мысли о демократии; это – самое человеческое имя сейчас; брат и учитель – имена навсегда; сейчас, может быть, многим дороже имя *товарищ*: открытый и честный взгляд; правда, легко высказываемая в глаза; правый мир и правая ссора; пожатие широкой и грубой руки. Пока люди таковы, каковы они есть, ребячески неискренни и боязливы в выражении своих чувств, прекрасна форма общения, выражае-

мая словом *товарищ*.

И потому именно *товарищем* хочется назвать *старого Августа*; ведь он – демократ, ведь он вдохновляет на ближайшую работу, и, главное, ведь огромное наследие, оставленное им, – общедоступно, почти без исключения. У него не может быть никаких наследников, кроме *человечества*, и ему не страшны ничьи «атласные дырявые карманы»; потому что наследство его не приняло никакой формы, даже самой элементарной формы – денежной. Все в нем было необычайно, в том числе и то, что он умел быть художником «без формы»...

Правда, в этой громадной лаборатории, заваленной книгами, инструментами и колбами, внешне хмурой, но внутренне веселой и пронизанной пыльным солнцем, – лежит в заветном углу один необщедоступный том – Сведенборга. Но, право, не страшно, если какой-нибудь молодой школьник увидит в этом томе только «странности» старого товарища. Для Стриндберга не страшно многое, что страшно для других, и, может быть, больших, чем сам он, учителей, потому что он... демо-

крат. Наследие демократа – идейно, оно не может служить поводом ни для чьей корысти. Наследие Стриндберга открыто для веселой и мятежной юности всех стран. Это – лаборатория для студентов, большая комната, свободная в утренние часы, когда мозг работает ритмически; и сам Стриндберг – утро, тот час, когда *начинается* большая работа. Он – менее всего конец, более всего – начало. Благоговейное изучение его – есть тот труд, который молодит усталые души.

Май 1912